© В.М. КРУЖИНОВ
vm.kruzhinov@mail.ru

УДК (947+957) “192”

«НОВЫЙ́ КУРС» Л.Д. ТРОЦКОГО И БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ЭЛИТА УРАЛА

АННОТАЦИЯ. Проблема возрождения внутрипартийной демократии заняла центральное место в письме Л.Д. Троцкого «Новый курс», опубликованном 11 декабря 1923 г. в «Правде». В этой работе Л.Д. Троцкий выдвинул несколько новаторских предложений. Он, в частности, доказывал, что утверждение аппаратных методов руководства в первые годы советской власти сопровождалось растущей изоляцией большевистской элиты и деформацией облика правящей партии. Выход из сложившегося положения Л.Д. Троцкий видел в перемещении центра внутрипартийной жизни в «низы» РКП(б), подчинении им партийного аппарата.

«Новый курс» вызвал резкое неприятие большевистской элиты, инициировавшей широкую политико-идеологическую кампанию против «троцкизма», тональность и исход которой в обстановке централизованного внутрипартийного режима определялись на верхних этажах партии. В то же время идущие сверху импульсы сравнительно легко воспринимались массами коммунистов, чей политический опыт подсказывал, что в условиях однопартийной диктатуры призывы к подчинению аппарата и широкой демократии в РКП(б) таят угрозу ее распада и самоуничтожения.

В результате «консерватизм “верхов”» наслаивался на «консерватизм “низов”», свидетельствуя не столько о «злых кознях» «аппаратчиков» или «рабской покорности» рядовых коммунистов, как утверждается в некоторых публикациях, сколько об общем усилении централистской тенденции на всех этажах партийного здания.

SUMMARY. The problem of internal democracy revival took the center stage in «The new course» letter of L.D. Trotsky published December 11, 1923 in «Pravda». In this article L.D. Trotsky proposed some innovative ideas. In particular, he argued that the approval of party apparatus methods of leadership in the early Soviet years was accompanied by a growing isolation and the deformation of the Bolshevik elite image of the ruling party. Way out of the situation L.D. Trotsky saw in the movement of the center of intraparty life in the «rank and file» of the Russian Communist Party (Bolsheviks), subordination of the party apparatus to «rank and file».

«The new course» aroused the sharp opposition of the Bolshevik elite initiating a major political-ideological campaign against «Trotskyism», the tone and the outcome of the campaign was determined by the «ruling clique» because of the situation of the centralized political regime. At the same time, the “ruling clique” impulses were relatively easy perceived by the «rank and file» of Communists, whose political experience suggested that in a one-party dictatorship calls for submission system and participatory democracy in the Russian Communist Party (Bolsheviks) are the threat of disintegration and self-destruction.

As a result «the conservatism of the “ruling clique”» superimposed on «the conservatism of the “rank and file» showing not so much about the «evil machinations» of party careerists or «servility» rank and file Communists but about some publications claimed as about a general strengthening of centralist tendencies in all echelons of power.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Л.Д. Троцкий, «Новый курс», большевистская элита, политический конфликт.

KEY WORDS. L.D. Trotsky, «The New course», Bolshevik elite, political conflict.

Драматический эпизод на пленуме ЦК РКП(б) 23 сентября 1923 г. оказался поворотным в противостоянии «троцкистской» и сталинско-зиновьевской группировок, сложившихся на вершине властной пирамиды после отхода от активной политической деятельности В.И. Ленина. Председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий, потерпев поражение в спорах со своими противниками, обвинил их в закулисных интригах и демонстративно покинул зал заседания. «Это был разрыв», — так оценили инцидент на пленуме его участники и очевидцы [1].

Демарш Л.Д. Троцкого резко обострил конфликт в высшем большевистском руководстве, дав группе И.В. Сталина-Г.Е. Зиновьева повод обвинить «самого способного человека в настоящем ЦК» (В.И. Ленин) в непартийном поведении и форсировать процесс вытеснения его на периферию политической жизни. Не менее яростно действовали и сторонники Л.Д. Троцкого. Балансируя на грани нарушения резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии», они выплеснули поток беспощадных обвинений в адрес «секретарской бюрократии», встав на путь консолидации разрозненных групп ее противников. Главным требованием «троцкистов» стал призыв к восстановлению внутрипартийной демократии, стремительное сужение которой в первые годы советской власти сопровождалось деформацией всего облика РКП(б) — падала политическая активность коммунистов, утверждались аппаратные методы и приемы руководства.

В развернутом виде программа реформирования партии была сформулирована Л.Д. Троцким в письме «Новый курс», которое 11 декабря 1923 г. было опубликовано в «Правде», а впоследствии дополнено и под тем же названием издано отдельной брошюрой.

В «Новом курсе» Л.Д. Троцкий выдвинул несколько новаторских предложений. Он, в частности, отстаивал мысль, что в условиях монопольного обладания властью (сам по себе этот факт был для Л.Д. Троцкого незыблем) большевистская партия силой обстоятельств сталкивается внутри собственных рядов с различными точками зрения, существующими в обществе. В этом, по мнению Л.Д. Троцкого, заключается главная опасность фракционности, которую нельзя преодолеть «формальными запретами»: фракции будут существовать подпольно. Решение, которое он предлагал, состояло в переходе от «бюрократического централизма» к «более стабильному режиму демократии» в партии: «Центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе в сторону аппарата, ныне, при новом курсе, должен быть передвинут в сторону активности, критической самодеятельности, самоуправления партии… Кратко задачу можно сформулировать так: партия должна подчинить себе свой аппарат».

Важное место в рассуждениях Л.Д. Троцкого занял вопрос о судьбах «старой партийной гвардии» и ее взаимоотношениях с молодым поколением. По его убеждению, насаждаемый «верхами» аппаратный стиль руководства особенно тяжело отзывается на партийной молодежи, которая «резче всего реагирует на партийный бюрократизм» и является «вернейшим барометром партии». Л.Д. Троцкий предупреждал об опасности перерождения «стариков», однако не считал этот процесс неизбежным: «Только постоянное взаимодействие старшего поколения с младшим в рамках партийной демократии может сохранить “старую

гвардию" как революционный фактор. Иначе старики могут окостенеть и незаметно для себя стать наиболее законченным выражением аппаратного бюрократизма».

Начавшаяся после публикации «Нового курса» внутрипартийная дискуссия привлекала внимание многих исследователей. Достаточно вспомнить труды В.З. Роговина, Г.Л. Олеха, В.В. Демидова, А.В. Резника [2], других историков, чтобы представить масштабы изучения проблемы. Обращался к этому сюжету и автор данной публикации [3]. Однако в отличие от большинства своих коллег, связывающих исход развернувшейся схватки с позицией рядовых коммунистов, мы полагаем, что в условиях жестко централизованного внутрипартийного режима «генеральное сражение» двух фракций проходило не в «низах» РКП(б), а на ее верхних этажах, предопределивших и общую тональность разраставшегося конфликта, и его результаты. Новые фактические материалы, выявленные нами, лишь подтверждают это положение.

Начало широкой идейно-политической кампании против «Нового курса» положила статья И.В. Сталина «О дискуссии, о Рафаиле, о статьях Преображенского и Сапронова и письме Троцкого», характеризовавшая председателя Реввоенсовета как «бывшего меньшевика», не имеющего права причислять себя к «ленинцам». И.В. Сталин решительно отвергал возможность перерождения «старой гвардии», обвинял Л.Д Троцкого в заигрывании с молодежью и фракционной деятельности [4]. В этом же ключе было выдержано постановление политбюро ЦК «Против обострения внутрипартийной борьбы», опубликованное 18 декабря в «Правде». Поворот полемики в такую плоскость являлся важным тактическим ходом противников «троцкизма» и имел ряд существенных последствий.

Во-первых, после выступления И.В. Сталина и его сторонников разногласия, замыкавшиеся до этого на части членов ЦК, стали достоянием гласности и выплеснулись на всероссийский уровень. Причем ответственность за обострение внутрипартийной борьбы возлагалась исключительно на Л.Д. Троцкого.

Во-вторых, подменив предмет спора, лидеры сталинско-зиновьевского блока сумели перевести обсуждение спорных вопросов в русло борьбы оппозиции против «старой гвардии» и «ленинского ЦК». В результате проблема внутрипартийной демократии оттеснялась на периферию полемики, а на первый план выдвигался тезис об опасности фракций и группировок в партии, олицетворением которых объявлялся «троцкизм». Одновременно из-под огня критики выводился партийный аппарат, а вопрос о перерождении «стариков» превращался не более чем в гипотетический и оборачивался против его автора.

Эти обстоятельства оказали важное влияние на характер обсуждения внутрипартийных проблем в региональных большевистских организациях, в том числе на Урале. 17 декабря 1923 г. положение в партии рассматривалось на заседании бюро Уральского обкома РКП(б), утвердившем циркулярное письмо к окружным и районным комитетам с перечнем тех вопросов, на которые, по его мнению, следует обратить главное внимание. Важнейшим из них бюро считало проблему фракций и группировок, хотя после известных решений X съезда РКП(б) было очевидно, что любые дискуссии в этой плоскости могут носить исключительно формальный характер, а предложения о легализации внутрипартийных течений будут рассматриваться как враждебные. «Разрешение

фракций и группировок в нынешней конкретной ситуации, — подчеркивалось в письме, — подорвало бы единство и сплоченность партии и представляло бы для нее смертельную опасность» [5].

Другой вопрос, который бюро Уралобкома предлагало обсудить в качестве первоочередного, касался «способности» ЦК РКП(б) на практике реализовать лозунги внутрипартийной демократии. В письме отмечалось, что постановка этого вопроса носит вынужденный характер и инициирована «московской оппозицией». Тем самым давалось понять, что любые сомнения в оценке «способностей» ЦК окажутся в противоречии с позицией бюро, а, следовательно, могут быть истолкованы как проявление фракционности, с которой, как уже говорилось, предлагалось вести решительную борьбу.

Специальным постановлением, не подлежащим публикации, бюро обязало партийные комитеты руководствоваться содержащимися в циркулярном письме оценками при подготовке резолюций, которые будут приниматься в «низах» [6].

В целом решения бюро Уралобкома свидетельствовали о стремлении высшей большевистской элиты региона провести обсуждение внутрипартийных проблем в заранее очерченных границах. Последнее обстоятельство вызвало даже споры на заседании, когда трое (из семи) членов бюро расценили циркулярное письмо как «навязывание определенного мнения» [6]. Однако их возражения были отклонены.

Сразу же после заседания бюро Уралобкома повсеместно состоялись заседания окружных комитетов РКП(б), на которых был утвержден порядок проведения дискуссии на местах. Почти везде обсуждение спорных вопросов предполагалось провести в два этапа: вначале на собраниях партийных работников, а затем в ячейках. С одной стороны, такой выбор определялся сложившимся в партии стилем работы, при котором все основные проблемы разрешались не «снизу вверх», а, наоборот, «сверху вниз», а с другой — недостаточной информированностью партийных «низов», в лучшем случае понаслышке знакомых с дискуссионными материалами. Лишь в Екатеринбурге, где общий уровень подготовки рядовых коммунистов считался более высоким, чем в целом по Уралу, дискуссия началась сразу же с ячеек. Однако и здесь она проходила под контролем окружкома и райкомов партии, которые проводили предварительный инструктаж секретарей ячеек, направляли докладчиков на партийные собрания, вели учет выступлений коммунистов, а в отдельных случаях даже готовили проекты постановлений ячеек. К тому же дискуссии в ячейках Екатеринбурга предшествовали районные партийные собрания, по составу выступавших мало отличавшиеся от обычных собраний руководящих партийных работников. В результате с самого начала дискуссии партийные «верхи» Урала не только проявили наибольшую активность и организованность в обсуждении спорных вопросов, но и взяли это обсуждение под собственный контроль.

В соответствии с решениями окружных комитетов РКП(б) в двадцатых числах декабря повсеместно состоялись собрания партийных работников и пленумы партийных комитетов. Принятые на них постановления тотчас же публиковались в местной печати, определяя вектор дискуссии и оказывая существенное влияние на формирование партийного мнения. В общей сложности нами выявлено 27 таких документов, в каждом из которых содержалось положение о резком неприятии большевистской элитой региона фракционности в партии.

Подавляющее большинство партийных работников Урала заявили о полном доверии Центральному Комитету, считая, что только под его руководством лозунги внутрипартийной демократии «будут выполнены на 100%» (Сарапул), что «ЦК впитал в себя лучшие силы партии» (Пермь) и «не доверять ему равносильно недоверию самим себе» (Златоуст) [7]. Лишь на собрании партийного актива Челябинска была принята резолюция, в которой указывалось, что политика ЦК РКП(б) «вела партию к серьезному внутрипартийному кризису» [8].

Судя по тому, что в 10 из 27 названных постановлений отсутствует даже упоминание о «Новом курсе» Л.Д. Троцкого, часть партийных работников Урала первоначально заняла в этом вопросе выжидательную позицию, рассчитывая, по-видимому, сделать окончательный выбор после того, как расстановка сил на высших этажах партии прояснится. О том, что такое предположение не лишено основания, свидетельствует следующее обстоятельство: 8 из 10 упомянутых резолюций были приняты в первые дни дискуссии, до публикации в уральской печати упомянутой статьи И.В. Сталина. После этой публикации положение меняется, и численность резолюций с критикой «Нового курса» постоянно растет.

Переломным в этом отношении стало состоявшееся 25 декабря 1923 г. собрание партийного актива Екатеринбурга, на котором с докладом о внутрипартийном положении выступил секретарь Уралобкома М.М. Харитонов. Квалифицировав «Новый курс» как платформу, противостоящую интересам партии, он потребовал от партийных комитетов «активизировать борьбу с ошибками Троцкого» [9].

Доклад М.М. Харитонова не оставлял сомнений в расстановке сил на вершине партийной пирамиды. В этой ситуации тактика выжидания при оценке «Нового курса», использовавшаяся частью работников в начале дискуссии, становилась неприемлемой, и они чуть ли не единодушно встали на сторону сталинско-зиновьевской группы в ЦК. О масштабах антитроцкистских настроений среди партийного актива Екатеринбурга можно судить по тому, что из 24 человек, выступивших в прениях, лишь двое поддержали Л.Д. Троцкого [10]. Аналогичной была картина на собраниях партийных работников других районов Урала. Так, на собрании в Тюмени в защиту «Нового курса» выступил один оратор [11], в Кургане — один [12]. На других собраниях заявлений в поддержку Л.Д. Троцкого не было.

Одновременно некоторые выступавшие выразили несогласие с резкостью оценок, содержащихся в статье И.В. Сталина. Такого же мнения придерживался и М.М. Харитонов, заявивший на собрании партийного актива Екатеринбурга, что «Троцкому мы должны указать на его ошибки, а Сталину — на неправильную форму его статьи» [5]. По его предложению это положение было зафиксировано в резолюции собрания. О том, что «статья Сталина не внесла успокоения в дискуссию», говорилось в постановлении пленума Нижне-Тагильского окружкома РКП(б) [13].

Конечно, в условиях, когда «Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть» (В.И. Ленин), подобные обвинения в его адрес, тем более со стороны союзников по борьбе с Л.Д. Троцким, вызывают известное недоумение и вряд ли инициировались снизу. Скорее всего, за ними скрывались

трения, существовавшие внутри сталинско-зиновьевской фракции и время от времени выплескивавшиеся за ее пределы. Автор данной статьи не исключает, что активные действия И.В. Сталина, выдвигавшие его на роль наиболее ревностного защитника партийного единства, ущемляли других его соратников по борьбе с «троцкизмом», в частности, Г.Е. Зиновьева, также претендовавшего на лавры политического лидера. Пытаясь сохранить прежнюю расстановку сил в ЦК, он предпринял ряд ответных шагов. По его инициативе партийным активом Петрограда принимается «Письмо Петроградской организации к членам РКП(б)» [14], сравнение которого с упомянутой статьей И.В. Сталина указывает на некоторые различия в подходах двух «вождей» к вопросу о будущей судьбе Л.Д. Троцкого. Смысл их сводится к следующему: если И.В. Сталин акцентировал внимание на характеристике Л.Д. Троцкого как «бывшего меньшевика» и, по-существу, отсекал его от «верных ленинцев», то Г.Е. Зиновьев, наоборот, «отказываясь солидаризироваться с ошибками Троцкого», считал «дружную и совместную работу» с последним «совершенно необходимой» и, таким образом, не только дистанцировался от «нелояльного» И.В. Сталина, но недвусмысленно давал понять, что в интересах партии готов примерить к себе тогу миротворца.

В этом же русле действовала и креатура Г.Е. Зиновьева на местах, в частности, его старый товарищ М.М. Харитонов, пытавшийся ослабить впечатление от нараставшей активности генсека апелляциями к негативным чертам сталинского характера, о которых было известно в «верхах».

Вместе с тем критические замечания в адрес И.В. Сталина вызывали настороженную реакцию основной массы партийных работников Урала, о чем свидетельствует отсутствие соответствующих оценок в остальных проанализированных нами постановлениях. Причем в отдельных случаях эта настороженность перерастала в ответные действия и вела к острым конфронтационным ситуациям. Так, группой партийных работников Екатеринбурга, несогласных с резолюцией собрания партактива города, была предпринята попытка инспирировать «дело» М.М. Харитонова, с чьим именем в первую очередь связывались критические заявления в адрес сталинской статьи. Эта группа предполагала направить письмо И.В. Сталину с выражением недоверия секретарю Уралобкома и обвинением его в «троцкизме» [15]. Правда на этот раз конфликт был улажен: задачи совместной борьбы против Л.Д. Троцкого оказались сильнее личных амбиций и расхождений тактического характера.

Почти во всех постановлениях, принятых партийными «верхами» Урала, рассматривался вопрос о мероприятиях по оживлению внутрипартийной работы. Однако анализ высказанных в этих документах предложений свидетельствует, что основная масса большевистской элиты ставила применение демократических норм в зависимость от степени «подготовки» к ней членов партии. Исходя из этого, кардинальные задачи внутрипартийной жизни виделись исключительно в усилении политического и культурного воспитания партийных «низов» при сохранении сложившихся аппаратных методов руководства. Такой взгляд на проблему, по сути, снимал вопрос о создании механизма подчинения партийного аппарата партии как непременного условия роста самодеятельности коммунистов или же сводился к подбору «хороших» партийных функционеров.

К середине последней декады декабря 1923 г. позиция партийных «верхов» на Урале в основном определилась. Суть ее сводилась к косметическим изменениям в сфере внутрипартийных отношений, безоговорочной поддержке сталинско-зиновьевской фракции и неприятию «Нового курса» Л.Д. Троцкого, который обвинялся во фракционности. Эти установки сравнительно легко воспринимались партийными «низами», чей политический опыт подсказывал, что призывы к подчинению аппарата и широкой демократии в партии не совместимы как с однопартийной диктатурой, которая рассматривалась в качестве решающего условия социалистического строительства, так и с запретом фракций и группировок, в котором виделось универсальное средство от раскола. Причем для основной массы рядовых коммунистов такой взгляд на проблему представлялся настолько очевидным, что они даже не считали нужным его мотивировать, ограничиваясь декларациями о полной поддержке «ленинского ЦК», осуждении фракционности и «Нового курса» Л.Д. Троцкого.

В результате «консерватизм верхов» наслаивался на «консерватизм низов», свидетельствуя не столько о «злых кознях» «аппаратчиков» или «рабской покорности» рядовых коммунистов, как утверждается в некоторых публикациях [16], сколько об общем усилении централистской тенденции на всех этажах партийного здания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 2002. С. 19.

2. Роговин В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992; Олех Г.Л. Поворот, которого не было: Борьба за внутрипартийную демократию. 1919-1924 гг. Новосибирск, 1992; Демидов В.В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922-1929 гг. Новосибирск, 1994; Резник А.В. Троцкизм и левая оппозиция в РКП(б) в 1923-1924 годы. М., 2010.

3. Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С. 144-159.

4. Правда. 1923. 15 декабря.

5. Уральский рабочий (Екатеринбург). 1923. 20 декабря.

6. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДООСО). Ф. 1494. Оп. 1. Д. 195. Л. 173.

7. Уральский рабочий. 1923. 23, 24 декабря.

8. Советская правда (Челябинск). 1923. 28 декабря; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 146. Л. 23.

9. Уральский рабочий. 1923. 29, 30 декабря.

10. Уральский рабочий. 1923. 30 декабря; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 222. Л. 40.

11. Тюменский областной центр документации новейшей истории (ТОЦДНИ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 20-23.

12. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 46. Л. 2 об.

13. ЦДООСО. Ф. 9. Оп.1. Д. 2. Л. 26.

14. Правда. 1923. 18 декабря.

15. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1178. Л. 9.

16. Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск, 1993. С. 71-78; Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995. С. 118.

REFERENCES

1. Bazhanov, B. *Vospominanija byvshego sekretarja Stalina* [Memoirs of former Secretary of Stalin]. Moscow, 2002. p. 19 (in Russian).

2. Rogovin, V.Z. *Byla li al'ternativa? «Trockizm»: vzgljad cherez gody* [Was there an alternative? «Trotskyism»: a glance through the years]. M., 1992, Oleh, G.L. *Povorot, kotorogo ne bylo: Bor'ba za vnutripartijnuju demokratiju. 1919–1924 gg.* [Rotation, which was it not: The struggle for inner-party democracy. 1919-1924 years]. Novosibirsk, 1992, Demidov, V.V. *Politicheskaja bor'ba i oppozicija v Sibiri. 1922–1929 gg.* [The political struggle and opposition in Siberia. 1922-1929 years]. Novosibirsk, 1994, Reznick, A. *Trockizm i Levaja oppozicija v RKP(b) v 1923–1924 gody* [Trotskyism and the Left Opposition in the RCP (b) in 1923-1924]. Moscow, 2010 (in Russian).

3. Kruzhinov, V.M. *Politicheskie konflikty v pervoe desjatiletie sovetskoj vlasti (na materialah Urala)* [Political conflicts in the first decade of Soviet power (based on the materials of the Urals)]. Tyumen, 2000. Pp. 144-159 (in Russian).

4. *Pravda* [The Truth]. 1923, December 15 (in Russian)

5. *Ural'skij rabochij* [The Ural worker] (Ekaterinburg). 1923, December 20 (in Russian).

6. *Centr dokumentacii obshhestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti (CDOOSO)* [Documentation Centre of NGOs Sverdlovsk region (TSDOOSO)]. F. 1494. S. 1. C. 195. L. 173 (in Russian).

7. *Ural'skij rabochij* [The Ural worker]. 1923, December 23, 24 (in Russian).

8. *Sovetskaja pravda* [Soviet Pravda] (Chelyabinsk). 1923. December 28; *CDOOSO* [TSDOOSO]. F. 4. S. 2. C. 146. L. 23 (in Russian).

9. *Ural'skij rabochij* [The Ural worker]. 1923, December 29, 30 (in Russian).

10. *Ural'skij rabochij* [The Ural worker]. 1923, December 30; *CDOOSO* [TSDOOSO]. F. 4. C. 2. C. 222. L. 40 (in Russian).

11. *Tjumenskij oblastnoj centr dokumentacii novejshej istorii (TOCDNI)* [Tyumen Regional Documentation Centre of Contemporary History]. F. 3. C. 1. C. 8. L. 20-23 (in Russian).

12. *Gosudarstvennyj arhiv obshhestvenno-politicheskoj dokumentacii Kurganskoj oblasti (GAOPDKO)* [State Archive of the socio-political documentation of Kurgan region]. F. 7. C. 1. C. 46. L. 2 rev. (in Russian)

13. *CDOOSO* [TSDOOSO]. F. 9.C.1. C. 2. L. 26 (in Russian).

14. *Pravda* [The Truth]. 1923. December 18 (in Russian).

15. *CDOOSO* [TSDOOSO]. F. 41. C. 1. C. 1178. L. 9 (in Russian).

16. Pavlova, I.V. *Stalinizm: stanovlenie mehanizma vlasti* [Stalinism: The Formation of the Mechanism of Power]. Novosibirsk, 1993. Pp. 71-78; Oleh, G.L. *Partijnaja mashina RKP(b) v nachale 20-h gg.: ustrojstvo i funkcionirovanie* [Party machine of the of Russian Communist Party (Bolsheviks) in the early 20's.: Structure and operation]. Novosibirsk, 1995. P. 118 (in Russian).